

Но полоса чувствительности скоро прошла у нашего автора, чтобы промелькнуть еще мимолетнѣе лишь на склонѣ его жизни, въ „Тарарѣ“. Неудача второй „серьезной драмы“ напомнила ему, что это не его удѣлъ, и заставила вернуться къ отложенному на время плану „Севильскаго Цирюльника“. Тутъ открывался просторъ для юмора и капризовъ фантазіи; снова въ пестрыхъ арабескахъ оживали нѣжные профили, плутовскіе глазки, закутанныя плащомъ фигуры, пляски, серенады, — все, что такъ поразило его воображеніе даже среди мадридскихъ тревогъ. И отъ дрязги обычной финансовой дѣятельности, къ которой онъ вернулся, годъ отъ году богатѣя, онъ умѣлъ переноситься въ дни молодости, и старался возсоздать свѣтлое, невозвратное ея настроеніе въ своей оперѣ, гдѣ и слова, и музыка принадлежали ему. За сложнымъ сюжетомъ онъ не гнался; содержаніе составилось по частямъ, и Бомарше взялъ ихъ отовсюду: изъ итальянской интермедіи, изъ оперетки Панара, „le comte de Belflor“, и комедіи Седэна, — какъ доказываютъ теперь, даже изъ „Жиль-Блаза“. Списокъ источниковъ, безъ того уже длинный, легко было бы еще обогатить, выставивъ, напр., Бомарше подражателемъ Мольеру („Школа женщинъ“). Агнеса съ такимъ же искусствомъ обманываетъ своего опекуна, какъ Розина — доктора Бартоло, а ея вздыхатель, подобно Альмавивѣ, вполне годится въ Линдору. Но всѣ эти пьесы (и десятки другихъ, однородныхъ съ ними) основаны на одной изъ вѣковѣчныхъ, общечеловѣческихъ темъ, къ которымъ охотно возвращались поэты всѣхъ странъ, — на торжествѣ молодости и страсти надъ старческимъ деспотизмомъ и подозрительностью. Около этой несложной завязки вращалась интрига „Севильскаго Цирюльника“ его первой редакціи, совершенно чуждой политическихъ и общественныхъ вопросовъ минуты и свободной отъ намековъ на личныя горести автора. Въ ту пору опера Бомарше была прямою родоначальницей веселыхъ созданій Паэзіелло ¹⁾ и Россини, которые также остановились на внѣшней сторонѣ сюжета. Смѣшная претензія моднаго тогда пѣвца, не захотѣвшаго играть Фигаро, потому что это напомнило бы публикѣ страницу изъ его біографіи, начавшейся дѣйствительно въ цирюльнѣ, разстроила постановку

¹⁾ Объ оперѣ Паэзіелло, которая держалась на итальянскихъ сценахъ до появленія пьесы Россини, теперь совсѣмъ забыли; ни Беттельгеймъ, ни „библіографія литературы о Бомарше“, Кордье, перечисляя разныя передѣлки его комедій, о ней не упоминаютъ. Для насъ особенно любопытно, что эта первая опера на либретто „Сев. Цирюльника“ была написана Паэзіелло въ Петербургѣ во время житія его при дворѣ Екатерины. History of the opera from Monteverde to Donizetti, by Sutherland Edwards. 1862, v. II, p. 87.